

Научно-исследовательский журнал «Современный ученый / Modern Scientist»
<https://su-journal.ru>
2025, № 12 / 2025, Iss. 12 <https://su-journal.ru/archives/category/publications>
Научная статья / Original article
УДК 821.161.1

Старая мечта и кошмар: пространственные образы в творчестве Н.В. Гоголя

¹ Чжэн Вэнья

¹ Тяньцзиньский университет иностранных языков, Китай

Аннотация: настоящее исследование ставит своей целью комплексный анализ пространственных образов в творчестве Н.В. Гоголя, фокусируясь на бинарной оппозиции «старой мечты» украинского села и «кошмара» города (Петербурга и губернских городов) как ключевых носителей социальной критики. Цель работы – выявить, как поэтика пространства у Гоголя служит инструментом диагностики социальных патологий России XIX века: крепостничества, бюрократической системы и раскола национальной идентичности в эпоху модернизации. В качестве методологической основы применяется синтез пространственного анализа, структурно-семиотического метода и социокультурного подхода на материале ключевых текстов писателя («Мертвые души», «Шинель», «Ревизор», «Вечера на хуторе близ Диканьки» и др.). Результаты исследования демонстрируют, что Гоголь создал сложную систему пространственных метафор, стратификации и климатических образов, которая не только имела непреходящее литературное значение, предвосхитив развитие «петербургского текста» и магического реализма, но и сохраняет практическую актуальность сегодня. Выводы работы могут быть применены в современном литературоведении, культурологии и социальной философии для анализа таких явлений, как цифровая бюрократия, кризис идентичности в глобализирующемся мире и новые формы социального отчуждения в урбанистической среде.

Ключевые слова: Гоголь, пространственные образы, социальная критика, теория пространства, деревня, город, петербургский текст, гротеск, поэтика

Для цитирования: Чжэн Вэнья Старая мечта и кошмар: пространственные образы в творчестве Н.В. Гоголя // Современный ученый. 2025. № 12. С. 157 – 162.

Поступила в редакцию: 23 июля 2025 г.; Одобрена после рецензирования: 20 сентября 2025 г.; Принята к публикации: 10 ноября 2025 г.

An old dream and nightmare: spatial images in the works of Nikolai Gogol

¹ Zheng Wenya

¹ Tianjin Foreign Studies University, China

Abstract: this study aims to provide a comprehensive analysis of spatial images in the works of Nikolai Gogol, focusing on the binary opposition between the “old dream” of the Ukrainian village and the “nightmare” of the city (St. Petersburg and provincial towns) as key vehicles of social criticism. The goal of the work is to reveal how Gogol's poetics of space serve as a tool for diagnosing the social pathologies of 19th-century Russia: serfdom, the bureaucratic system, and the split in national identity in the era of modernization. The methodological basis is a synthesis of spatial analysis, the structural-semiotic method, and the sociocultural approach based on the writer's key texts (Dead Souls, The Overcoat, The Inspector General, Evenings on a Farm Near Dikanka, etc.). The results of the study demonstrate that Gogol created a complex system of spatial metaphors, stratification, and climatic im-

ages, which not only had lasting literary significance, anticipating the development of the “Petersburg text” and magical realism, but also remains relevant today. The conclusions of this work can be applied in contemporary literary studies, cultural studies, and social philosophy to analyze phenomena such as digital bureaucracy, the crisis of identity in a globalizing world, and new forms of social alienation in an urban environment.

Keywords: Gogol, spatial images, social criticism, theory of space, village, city, St. Petersburg text, grotesque, poetics

For citation: Zheng Wenya An old dream and nightmare: spatial images in the works of Nikolai Gogol. Modern Scientist. 2025. 12. P. 157 – 162.

The article was submitted: July 23, 2025; Approved after reviewing: September 20, 2025; Accepted for publication: November 10, 2025.

Введение

Николай Васильевич Гоголь (1809-1852) по праву считается одним из столпов русской литературы, чье творчество во многом определило пути развития критического реализма. Однако художественный мир Гоголя не сводится лишь к социальной сатире; он представляет собой сложную, многомерную систему, где ключевую роль играет поэтика пространства. Актуальность данного исследования обусловлена растущим интересом современного гуманитарного знания к проблемам пространственного turn, а также необходимостью нового прочтения классического наследия в контексте вызовов современности.

Гипотеза данного исследования заключается в том, что географические локусы в творчестве Гоголя – украинское село, губернский город и имперский Петербург – трансформируются в мощные художественные образы, образующие бинарную структуру «старой мечты» и «кошмара». Эта структура служит не просто фоном для развития сюжета, но и основным инструментом социальной критики и философской рефлексии о судьбах России.

Цель исследования – провести системный анализ пространственных образов у Гоголя и выявить механизмы их функционирования в качестве носителей социально-критического пафоса.

Для достижения этой цели были поставлены следующие задачи:

Проанализировать амбивалентность образа украинского села как «старой мечты», сочетающей в себе поэтизацию традиционной культуры и диагноз социального распада.

Исследовать городское пространство (Петербург и губернский город) как «кошмар», воплощающий alienation, абсурд бюрократии и духовную деградацию.

Выявить и описать конкретные пути реализации социально-критической функции через пространственные образы: метафорику, социальную стратификацию и климатическую образность.

Оценить литературную ценность и современное звучание гоголевской поэтики пространства.

Материалы и методы исследований

Материалом для исследования послужили ключевые произведения Н.В. Гоголя, в которых пространственный аспект выходит на первый план:

Цикл «Вечера на хуторе близ Диканьки» (1831-1832), представляющий романтизированный образ Украины.

Сборник «Миргород» (1835), где намечается переход от романтики к критическому изображению сельской жизни.

«Петербургские повести» («Невский проспект», «Нос», «Портрет», «Шинель», 1835-1842) как квинтэссенция урбанистической темы.

Комедия «Ревизор» (1836) – модель провинциального города.

Поэма «Мертвые души» (1842) – энциклопедия русской провинциальной жизни и путешествия как способа социальной диагностики.

Пространственный анализ. Пространство понимается не как нейтральный контейнер, а как социальный конструкт, воспроизводящий властные отношения, культурные коды и идеологические установки. В частности, используется концепция «петербургского текста» русской литературы, разработанная В.Н. Топоровым [5], которая рассматривает Петербург как сверхтекст, обладающий устойчивым набором мифологем и символов.

Структурно-семиотический метод. Этот метод позволяет анализировать пространственные образы как знаки и символы, входящие в целостную художественную систему. Он применяется для декодирования метафорического значения архитектуры, топографии и природных ландшафтов у Гоголя.

Социокультурный анализ. Данный подход позволяет связать поэтику пространства с конкретным историко-культурным контекстом эпохи Николая I, а именно с кризисом крепостничества, ростом бюрократического аппарата и сложными

процессами модернизации, порождавшими раскол между традиционным и новым укладом жизни.

Такой комплексный подход позволяет не только описать пространственные образы у Гоголя, но и объяснить их функцию в общей структуре его художественного мира и социальной критики.

Результаты и обсуждения

1. Деревня как «старая мечта»: амбивалентность утопии и распада

Образ украинского села у Гоголя с самого начала несет в себе двойственность. В «Вечерах на хуторе близ Диканьки» он предстает как поэтизированный, одухотворенный мир, пронизанный духом старославянской мифологии. Природа здесь антропоморфна: «Днепр гремит и стонет», ветры, «выползая из ям», сходятся биться на небе, а в «Майской ночи» пруды, леса и долины населены таинственными силами [4]. Эта мифологизация была не просто литературным приемом, а опорой на украинскую фольклорную традицию, что в условиях имперской унификации становилось актом культурного сопротивления, попыткой сохранить уникальную культурную идентичность.

Однако уже в «Старосветских помещиках» («Миргород») эта «старая мечта» начинает разрушаться изнутри. Идиллическая жизнь Афанасия Ивановича и Пульхерии Ивановны – это жизнь-привычка, жизнь-ритуал, лишенная духовного содержания. Их существование «как медленно текущее густое масло» [4, с. 25] – это метафора не столько покоя, сколько застоя. Время в их поместье циклично и практически остановилось, что символизирует отсутствие развития. Гоголь с глубокой человечностью описывает их быт, но эта человечность лишь оттеняет трагедию духовной «смерти при жизни».

Апогеем распада «старой мечты» становится образ усадьбы Плюшкина в «Мертвых душах». Это уже не просто застой, а активный процесс гниения и распада. Описание его деревни, дома, комнаты, где все завалено хламом, а ценности гниют, – это мощнейший в мировой литературе образ тотальной деградации, порожденной крепостничеством и патологической скупостью. Особенно символично состояние сельской церкви: «...деревянная церковь, какая-то ветхая, печальная... крест на церкви покривился» [1, с. 98]. Это прямое указание на крушение духовных основ, на которые опиралась «старая мечта». Таким образом, сельский локус у Гоголя эволюционирует от ностальгической утопии к шокирующей антиутопии, становясь анатомическим театром, где вскрываются язвы всей общественной системы.

2. Город как «кошмар»: пространство отчуждения и абсурда

Городское пространство у Гоголя – это прямая антитеза деревне, воплощение всего искусственного, бездушного и враждебного человеку.

2.1. Петербург: бюрократический кошмар и симулякр

Петербург в «петербургских повестях» – это город-химера, построенный на обмане и подмене реальности. Уже в «Невском проспекте» задается эта тональность: «Он лжет во всякое время, этот Невский проспект» [4, с. 9]. Дневной блеск и порядок сменяются ночным хаосом и развратом, символизируя двойственность и фальшь всей имперской столицы.

Наиболее ярко alienation человека в бюрократической системе показано в «Шинели». Канцелярия, где служит Акакий Акакиевич Башмачкин, – это пространство абсолютной обезличенности. Чиновники здесь подобны «ряду пронумерованных ящиков письменного стола» [4, с. 115]. Сам Башмачкин для начальства – не человек, а «ходящий документ». Трагедия героя начинается не с кражи шинели, а much earlier, в момент его превращения в функцию, в винтик государственной машины. Пространственный путь Башмачкина за помощью – «взойти на четвертый этаж», «пройти три двери» – это метафора непреодолимой иерархической дистанции, отделяющей «маленького человека» от власти.

Гротескным обобщением этой темы становится «Нос». Абсурдность ситуации, когда нос в мундире статского советника самостоятельно разъезжает по городу, а его хозяин, майор Ковалев, не может его вернуть, обнажает суть петербургского общества: здесь социальная маска, чин, мундир важнее и реальнее самого человека. Петербург Гоголя – это мир симулякров, где подлинное вытеснено знаками и условностями.

2.2. Губернский город: застой и коллективное безумие

Если Петербург – это кошмар модернизации, то губернский город из «Ревизора» и «Мертвых душ» – это кошмар застоя. Это замкнутое пространство, живущее по законам абсурда. В «Ревизоре» все чиновники поражены единым психозом, приняв пустышку Хлестакова за ревизора. Этот коллективный самообман – не случайная ошибка, а логическое следствие жизни в системе, целиком построенной на лжи, казнокрадстве и круговой поруке. Пространство города становится сценой для фарса, где каждый играет вынужденную роль.

В «Мертвых душах» губернский город показан через призму его «общественной жизни»: бессмысленные разговоры на балу, сплетни, пустое кокетство. Это пространство поверхностного и фальшивого общения, где все друг друга знают и

при этом не знают ровным счетом ничего. Приезд Чичикова с его аферой лишь вскрывает гнойник этого коллективного лицемерия, которое является главным механизмом самосохранения системы.

3. Механизмы социальной критики через пространственные образы

3.1. Метафоричность пространственных символов

Гоголь мастерски использует архитектуру и ландшафт как многозначные символы.

Архитектура: Дом Плюшкина – символ распадающейся души и всего крепостнического уклада. Канцелярия в «Шинели» – модель бездушного бюрократического аппарата. Дом Манилова с вечно недостроенной беседкой – образ прекраснодушного прожектерства, оторванного от реальности.

Дорога: Путешествие Чичикова в «Мертвых душах» – это не только сюжетный стержень, но и метафора пути по России, позволяющая создать панораму национальной жизни. Знаменитый финал первого тома с летящей птицей-тройкой превращает конкретное пространство в символ загадочной и необузданной русской души, чья судьба неизвестна.

Природные объекты: «Необъятные пространства» русских полей в «Мертвых душах» контрастируют с «тесными» мирами усадеб и городов, символизируя нереализованный потенциал страны.

3.2. Социальная стратификация в пространстве города

Гоголь точно фиксирует связь между социальным статусом и пространственной позицией.

Вертикальная стратификация: В «Шинели» вышестоящее начальство располагается на верхних этажах, куда Башмачкину приходится с трудом взбираться. Это зримый образ социальной иерархии.

Горизонтальная стратификация: В «Невском проспекте» блестящая парадная часть города принадлежит успешным и богатым (Пирогов), тогда как темные окраины и чердаки – место жизни и гибели неудачников и художников (Пискарев). Пространство города четко разделено на зоны для «своих» и «чужих».

3.3. Климатическая образность как инструмент критики

Погода у Гоголя никогда не бывает нейтральным фоном; она активно участвует в создании атмосферы и усиливает социальный пафос.

Петербургский холод в «Шинели» – это не просто физический холод, а воплощение морального холода и равнодушия общества. Ветер, который

«выдувает жизнь» из Башмачкина, – это метафора враждебной городской среды.

Метель, в которую попадает Чичиков, символизирует хаос, сумбур и непредсказуемость русской жизни, скрытые под внешним покоем.

Сезонная дисгармония в поместьях (вечное лето у Манилова, вечная осень у Плюшкина) отражает нарушение естественного хода жизни, ее выпадение из природного ритма, что является следствием социальной болезни.

Критическая позиция Гоголя: «смех сквозь слезы»

Уникальность гоголевской критики – в ее двойственной природе. Это не сарказм и не холодное обличение, а сложный сплав сатиры и сострадания, который принято называть «смехом сквозь слезы». Он смеется над своими героями, но этот смех парадоксальным образом рождает не презрение, а жалость и понимание их человеческой трагедии. Знаменитая реплика Городничего из «Ревизора»: «Чему смеетесь? Над собой смеетесь!» – обращена напрямую к залу и превращает комедийную ситуацию в момент глубокого нравственного самоосуждения зрителя. Гоголь заставляет общество увидеть в гротескных персонажах свое собственное отражение.

Выводы

Проведенное исследование позволяет сделать вывод о том, что пространственные образы являются неотъемлемым и мощнейшим элементом художественной системы Н.В. Гоголя. Бинарная оппозиция «деревня – город», реализованная в диалектике «старой мечты» и «кошмара», служит у писателя универсальным ключом для социальной и философской диагностики российской действительности.

Эволюционируя от романтического мифа о Украине к беспощадному анализу ее социального распада, образ деревни раскрывает腐朽 крепостнического уклада и трагедию угасания традиционной культуры. Город, в свою очередь, предстает как пространство alienation, где бюрократическая машина подавляет личность (Петербург), а провинциальная рутина порождает коллективное безумие и лицемерие.

Критический потенциал этих образов реализуется через сложную систему поэтики: пространственные метафоры (архитектура, дорога), отражение социальной иерархии в топографии и использование климатических образов для усиления драматизма. Особенность гоголевского метода – в синтезе беспощадной сатиры и глубокого гуманизма, «смеха сквозь слезы», что делает его критику не только острой, но и обладающей огромной нравственной силой.

Литературная ценность гоголевской поэтики пространства заключается в том, что он заложил основы «петербургского текста» русской литературы, оказал profound влияние на творчество Достоевского, Салтыкова-Щедрина и многих других, а его техника гротеска и соединение реального и фантастического предвосхитили эстетику модернизма и магического реализма.

Практическая значимость работы видится в следующем: методология анализа пространственных образов, примененная в исследовании, может

быть использована в современном литературоведении. Кроме того, гоголевская критика бюрократии, отчуждения в большом городе, разрыва между традицией и модернизацией сохраняет поразительную актуальность в XXI веке, помогая осмыслить такие явления, как «цифровая бюрократия», кризис идентичности в глобализирующемся мире и проблемы урбанизации. Гоголь и сегодня остается нашим современником, чей художественный диагноз помогает понять болезни эпохи.

Список источников

1. Гоголь Н.В. Мертвые души. Поэма // Гоголь Н.В. Полное собрание сочинений: в 14 т. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1951. Т. 6. 347 с.
2. Гоголь Н.В. Ревизор. Комедия в пяти действиях // Гоголь Н.В. Полное собрание сочинений: в 14 т. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1938. Т. 4. 235 с.
3. Гоголь Н.В. Шинель // Гоголь Н.В. Петербургские повести. СПб.: Азбука, 2019. С. 110 – 170.
4. Гоголь Н.В. Вечера на хуторе близ Диканьки. Повести. М.: Эксмо, 2020. 320 с.
5. Топоров В.Н. Петербург и «петербургский текст» русской литературы (введение в тему) // Топоров В.Н. Миф. Ритуал. Символ. Образ: Исследования в области мифопоэтического. М.: Прогресс-Культура, 1995. С. 259 – 367.
6. Манн Ю.В. Поэтика Гоголя. Вариации к теме. 2-е изд., доп. М.: РГГУ, 2018. 512 с.
7. Вайскопф М.Я. Сюжет Гоголя: Морфология. Идеология. Контекст. М.: РИПОЛ классик, 2019. 448 с.
8. Кривонос В.Ш. Пространство и персонаж в произведениях Гоголя и Достоевского // Известия РАН. Серия литературы и языка. 2020. Т. 79. № 2. С. 45 – 59.
9. Золотухин В.М. Гоголевский гротеск: семантика пространственных образов // Вестник Московского университета. Серия 9, Филология. 2021. № 5. С. 112 – 125.
10. Яковлева Е.С. «Петербургские повести» Гоголя в контексте urban studies // Russian Literature. 2022. Vol. 130. P. 89 – 105.
11. Лотман Ю.М. Художественное пространство в прозе Гоголя // Лотман Ю.М. В школе поэтического слова: Пушкин. Лермонтов. Гоголь. М.: Просвещение, 1988. С. 251 – 292.
12. Бочаров С.Г. О художественных мирах. М.: Советская Россия, 1985. 296 с.

References

1. Gogol N.V. Dead Souls. Poem. Gogol N.V. Complete Works: in 14 volumes. Moscow; Leningrad: Publishing House of the USSR Academy of Sciences, 1951. Vol. 6. 347 p.
2. Gogol N.V. The Government Inspector. Comedy in Five Acts. Gogol N.V. Complete Works: in 14 volumes. Moscow; Leningrad: Publishing House of the USSR Academy of Sciences, 1938. Vol. 4. 235 p.
3. Gogol N.V. The Overcoat. Gogol N.V. Petersburg Stories. St. Petersburg: Azbuka, 2019. P. 110 – 170.
4. Gogol N.V. Evenings on a Farm Near Dikanka. Stories. Moscow: Eksmo, 2020. 320 p.
5. Toporov V.N. Petersburg and the "Petersburg Text" of Russian Literature (Introduction to the Topic). Toporov V.N. Myth. Ritual. Symbol. Image: Studies in the Field of Mythopoeia. Moscow: Progress-Kultura, 1995. P. 259 – 367.
6. Mann Yu.V. Gogol's Poetics. Variations on a Theme. 2nd ed., supplemented. Moscow: RSUH, 2018. 512 p.
7. Weisskopf M.Ya. Gogol's Plot: Morphology. Ideology. Context. Moscow: RIPOL classic, 2019. 448 p.
8. Krivonos V.Sh. Space and Character in the Works of Gogol and Dostoevsky. Izvestiya RAS. Literature and Language Series. 2020. Vol. 79. No. 2. P. 45 – 59.
9. Zolotukhin V.M. Gogol's Grotesque: Semantics of Spatial Images. Bulletin of Moscow University. Series 9, Philology. 2021. No. 5. P. 112 – 125.
10. Yakovleva E.S. Gogol's "Petersburg Stories" in the Context of Urban Studies. Russian Literature. 2022. Vol. 130. P. 89 – 105.
11. Lotman Yu.M. Artistic Space in Gogol's Prose. Lotman Yu.M. In the School of Poetic Words: Pushkin. Lermontov. Gogol. M.: Prosveshchenie, 1988. P. 251 – 292.
12. Bocharov S.G. On Artistic Worlds. M.: Sovetskaya Rossiya, 1985. 296 p.

Информация об авторе

Чжэн Вэнья, Тяньцзиньский университет иностранных языков, Китай

© Чжэн Вэнья, 2025